

«Саратовский дневник» 1888, 16 марта, № 58

1.2

ФЕЛЬТОНЪ.

Наши журналы.

„Северный Вестник“. 1888 г. Мартъ.

Лучшую вещью в мартовской книге „Сев. Вѣст.“ безспорно является „Степь“ Ант. Чехова. Этот молодой писатель занял одно из видных местъ в плеадѣ вновь народившихся русскихъ писателей. Онъ и художникъ, и психологъ. Мало сказать, что онъ хороший, тонкий наблюдатель природы и человѣческой обыденной жизни; наблюданностью обладаютъ многие, иные специально изучаютъ избранный ими предметъ, собираясь описать его, и по ней болѣе, конечно, выставляютъ на видъ такія незамѣтныя стороны этого предмета, что всегда въ состояніи бываютъ подкуплены читателя. Чеховъ же подкупаетъ такимъ образомъ читателя. Его описание цѣл., лучше сказать, картины — яркія, сочныя, поражаютъ не тѣмъ, что вотъ какъ это авторъ сумѣлъ подмѣтить то, другое, но тѣмъ, что какъ это автору все близко, все знакомо. Чувствуешь, что это у него выливается совершенно естественно, что нарисованный въ картинахъ не просто изучены имъ, но живутъ въ немъ, перенаполняютъ его душу, и проходится лишь удивляться, какъ онъ справляется съ преподавающими его воскоминами, фактами изъ житейской жизни, картинами и образами.

Чеховъ задумалъ написать стель, но не ту степь, что восторгала Гоголя и вырывала у него короткія, мѣткія воскликанія и тщательно отдѣленные, отточенные періоды, рисовавшіе просторъ, роскошь, ширь и даль степи, вызывавшіе въ читателей запахъ аромата степной травы въ цветѣ, по ту русскую восточную стель, которая при всей ея ширѣ и дали вызывала въ читателей, вместо восторженного восторга, только гнетущее представление о ея безлюдности, представление о пространствѣ, которое должно пройти по ней самъ, тянущій къ торгово-промышленному пункту, народившемуся среди этой степи, представление о монотонныхъ часахъ юды поездъ большими и проселочными дорогами, обездвиженность ея и малокультурности. Всѣмъ памъ знакома эта степь, но съ тѣмъ большими понимаешь читаешь описание ея. Она играетъ роль въ нашей жизни, она наложила печать свою на русского человека и на всю русскую культуру.

Г. Чеховъ, ведя читателя по этой степени, развертываетъ передъ нами картину за картиной въ разные моменты ея жизни, оживляя эти картины типами стенныхъ людей — начиная отъ пиджакенного по мѣщика и до обезнаго провожатаго. Главнымъ героямъ своимъ авторъ избралъ Егорушку, мальчика, оторванного отъ семьи и всезомаго дѣдею-промышлен-

никомъ куда то въ ученье. Въ душѣ мальчика наростаютъ самые разнообразныя впечатлѣнія степной обстановки, ея напр., людей и ихъ жизни.

Каковы описанія Чехова, мы приведемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ. Вотъ стель раннимъ утромъ:

...Солнце уже выглянуло сзади изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около вѣтрачниковъ и вѣтряной мельницы, которая издала похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, полосла по землѣ широкая, ярко-желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной сини, полоса сѣла, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ брѣху и лошадей, попеслась на вѣтру другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая степь сбросила съ себя утреннюю полутѣнь, улыбнулась и засверкала росой.

„Сжатая рожь, бурьянъ, молочай, дикая конопля—все, побурѣвшее отъ зноя, рыхлее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцемъ, ожидало, чтобы вновь засѣсть. Надъ дорогой, съ веселымъ крикомъ, носились старички, въ травѣ перекликавшись сурскими, гдѣ-то далеко вѣроѣмъ плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испущенное брачкой, испорхнуло и со своимъ мягкимъ „трур“.... полетѣло къ холмамъ. Кузнецы, сверчокъ, скрипачи и медведѣдки затянули въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

„Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ и обманутая степь привѣла свой унылый, гольскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали липовые, со своими покойницами, какъ тѣнь, тонами, равнина съ туманно-дально и опрокинутое падь ими небо, которое въ степи, гдѣ вѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь бесконечными, оѣмленѣвшими отъ тоски...

„Какъ душно и уныло! Бричка бѣжать, а Егорушка видѣть все одно въ тоже—небо, равнина, холмы.... Музыка въ травѣ притихла, старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблѣдѣвшей травой, отъ ничего дѣлать, носится грачи; всѣ они покожи другъ на друга вѣдѣютъ стены еще болѣе одвообразной.

„Летятъ коршуны надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливаются въ воздухѣ, точно задумываясь о скучѣ жизни, потомъ встрихваствуютъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью—и неподвѣтно, зачѣмъ онъ летаетъ, и что ему нужно. А вдали машишь крыльями мельница...

„Для разнообразия мельница въ бурьяне бѣлый черепъ или булыжникъ, выросъ на мгновеніе сѣрая каменная баба

или высокшая ветла съ спелой рекшой на верхней вѣтѣ, перебѣжитъ дорогу сундукъ и—опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...“

А вотъ и первые стенные люди:

— Бричка поравнялась съ отарой овцѣвъ.
— Стой! закричала Кузьмичовъ. Держи! Тррр!...

„Старикъ-чебанъ, оборванный и босой, въ телѣ шапкѣ съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ—совѣтъ ветхозавѣтная фигура—унялъ собакъ и, снявши шапку, подошелъ къ бричкѣ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стояла, не шевелясь, на другомъ краю отары и равнодушно глядела на проѣзжихъ.

— Чья это отара? спросилъ Кузьмичовъ.

— Варламовская! громко отвѣтилъ старикъ.

— Варламовская! повторилъ чебанъ, стоявшій на другомъ краю отары.

— Что, проѣзжалъ тутъ вчера Варламовъ, или вѣтъ?

— Прикащикъ ихній проѣзжалъ, это точно...

— Трогай!

Варламовъ—это купецъ-промышленникъ, скучающій шерстью. Кузьмичовъ,—дядя Егорушки, въ о. Христофоръ, догонали свой обозъ сть шерстью, ищутъ въ то же время встрѣтить Варламова.

О. Христофоръ—80-ти лѣтъ дѣялъ, по порученію сына, предпринявший поѣздку съ Кузьмичовымъ для продажи Варламову, легкомысленно купленной его сыномъ шерстью—тильше очень интересный. Это человѣкъ мягкий, легкомысленный и смѣшливый. Во всю свою жизнь онъ не зналъ ни одного такого дѣла, которое, какъ удавъ могло бы сковать его душу. Познать онъ науку, но она только умиляетъ его въ самому кажется совсѣмъ стороннимъ дѣломъ, какъ многимъ изъ степняковъ...

— Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного со своего исполненію.

— Онь покрутилъ головой и засмѣялся отъ умилія.

— Духовная пища! сказаъ онъ. Испивши, матеріи питаетъ плоть, а духовная пища душу!

— Науки науками, вздохнулъ Кузьмичовъ, а вотъ какъ не догонимъ Варламова, такъ и будете вѣтъ наукъ.

Около полудня прохожіе остановились на отарѣ. Прекрасно описание впечатлѣнія полуночи въ степи. Когда всѣ взрослые заснули подъ бричкой, Егорушка, перепробовавъ разныя занятія и сбѣгавъ отъ столонамъ, узналъ, между прочимъ, кто поѣтъ пѣсню за пригоркомъ, „слѣдъ на землю и весь отдалъ непрѣтъному чувству тошноты, которое возбуждало въ немъ зной и пѣсни. Онъ обнѣлъ колѣни руками и склонилъ голову... Горячіе лучи жгли ему затылокъ, шею и спину. Заунывая пѣсня то заминала, то опять пропонислась въ стоячемъ,

душном воздухе, ручей монотонно каркашивал, лошади жевали, а времена тянулись беззконечно, точно и оно застыло и остановилось. Казалось, что съ утра прошло уже сто лѣт... Не хотѣл ли Богъ, чтобы Егорушка, бричка и лошади замерли въ этомъ воздухѣ и, какъ холмы, окаменѣли бы и остались на вѣкъ на одному мѣстѣ?

«Егорушка поднялъ голову и посоломѣнными глазами поглядѣлъ впередъ себѣ; лиловая даль, бывшая до сихъ порь неподвижна, закачалась и вмѣстѣ съ небомъ понеслась куда-то еще дальше. Она потянула за собой бурю траву, осоку, и Егорушка со своей тощотой, съ чувствомъ горячаго желѣза на затылкѣ, понесся съ необычайной быстротой за убѣгавшему дально. Какако-то сила безшумно ввлекла его куда-то, а за нимъ въ дугонку всесилась зной и томительная пѣсня. Егорушка склонилъ голову къ колѣнамъ, закрылъ глаза...»

Въ дальнѣйшей поѣздѣ внимание Егорушки остановила на себѣ большая дорога.

«Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское танулось по степи, вмѣсто дороги; то была сѣрая полоса, хорошо выѣзжавшая и покрытая пылью, какъ вся дорога, по ширинѣ пѣсколько десятковъ саженъ. Свопы простиромъ она возбудила въ Егорушкѣ недоумѣніе и вавела его на сказочные мысли. Кто по нейѣздитъ? Кому нуженъ такой просторъ? Непонятно и странно. Можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающіе люди, въ родѣ Ильи Муромца или Соловья-Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони. Егорушка, взглянувъ на дорогу, вообразилъ штуку шесть высокихъ, рядомъ скакущихъ колесницъ въ родѣ тѣхъ, какія онъ видывалъ на рисункахъ въ Священной исторіи; заложены въ эти колесницы шестерки лошадей, бѣшеныхъ лошадей въ своихъ высокихъ колесахъ подпрыгиваютъ до неба облако пыли, а лошади приводятъ людѣ, какіе могутъ только синуть или выростать въ сказочныхъ мысляхъ.»

По этой широкой дорогѣ Егорушка двинился уже не съ Кузичковыми и о. Христофоромъ, а съ обозниками. Тутъ рисуются предъ читателями различные типы обозниковъ. Видѣть съ тѣмъ не перестаютъ чередоваться картины за картиною; почлегъ въ степи, купание въ рѣкѣ, рыбная ловля, гроза и проч., картины роскошныя.

Въ описавшій почлега въ степи есть, между прочимъ, слѣдующія задушевныя строки: «Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысль и душа сливаются въ сознаніи одиночества. Начинаешь чувствовать себѣ непонятно одиночимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становятся беззконечно далекими и не вмѣшивающимъ цѣвы. Звѣзды, глядящіе съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное

небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постичнуть имъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ, приходитъ на мысль одиночество, которое ждеть каждого изъ настѣ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...»

Справедливость требуетъ сказать, что если описание Чехова хороши, выдержаны и производятъ впечатлѣніе, будить въ душѣ читателя отзывъ, то личности выведенныя Чеховымъ, далеко не всѣ правдивы; такъ сильной фальшиво, дѣланностью отзываются характеристика жида Симеона, не правою звучитъ «скунино!» Дымова, сантиментальность работника Васи въ прорѣ.

Новый разсказъ Успенского «Ноль-цѣлыѣ»—изъ замѣтокъ деревенскаго обывателя, по обыкновенію, полонъ сдержанности. Авторъ рисуетъ воздушное существо, совсѣмъ ничтожное, пуль, и однако составляющее изъ себѣ вполнѣ реальное цѣлое.

Встрѣтился авторъ съ нимъ на желѣзодорожной платформѣ. Вся фигура мужичка— совсѣмъ воробиня, зараженная воробиномъ же веселостью. Онъ смѣшино ржалъ въ карманѣ, лица табаку, и, не найдя его тамъ, сталъ однако показывать видъ, что свѣтится цигарка.

— «У тебя, сказалъ я, видно табаку то совсѣмъ пять?»

«Воздушный человѣчекъ поглядѣлъ на меня, весело улыбулся и воробининымъ голосомъ проговорилъ:

— «И даже висколько нѣтъ!»

Совсѣмъ воздушный! подумалъ авторъ и стала дальше рассматривать его. Оказалось, что идти въ острога, гдѣ высидѣть по ошибкѣ. Куда же ойтъ идеть?

— «А памъ не знаю! Главное— капиталу вѣтъ нисколько! да и паспорта нѣтъ, подати требуютъ!»

Слово о податяхъ явилось како-то неожиданностью въ общемъ впечатлѣніи воздушного человѣка; капиталу у него нѣтъ, паспорта нѣтъ, куда вѣтъ, неизвѣстно; нѣтъ у него ни табаку, ни одежды, ни шапки—и вдругъ какій-то подати!

— «За что жъ ты платишь то? спросилъ я, недоумѣвая.

— «За дѣлъ души платишь!»

— «Одинъ?»

— «Вотъ какъ есть!»

— «Стало быть у тебя земля есть?»

«Воздушный человѣкъ подумалъ и всесело прочиркаль по-птачью:

— «Нѣ! Мы платимъ съ пусты. Намъ съ пусты платить—самое пріятное дѣло! Ежели бы платить не съ пусты, такъ будь бы хуже было... А съ пусты-то, слава Тебѣ, Господи!»

«Все это онъ превесело прочиркаль по воробиному и, если-бы въ самомъ дѣлѣ былъ воробей, то попрыгалъ бы и попорхалъ по вѣткамъ морознаго дерева; не будучи однако воробѣемъ, онъ выражилъ свои воробининые желанія развес-

лавившимся глазами и скривившейся отъ улыбки бороденкой.

— «Съ пусты платить лучше, чѣмъ съ пусты?»

— Безподобно хорошо съ пусты платить!

— Постой! ты говоришь, съ пусты платить лучше? То есть платить, не полу-

чая земли?

— Это самое!

— Почемъ-же такъ? Вѣдь землю ти мѣтъ-бы отдать въ аренду?

Воздушный человѣкъ засинѣ радосты:

— Да она болото у насъ!»

Авторъ спросилъ, чѣмъ же ей болото юшаетъ? Ты и не касаися его!

— «Не касался-бы, такъ оно касается!»

Возмыко я болото,—аинъ я обще-стенникъ сталъ! Съ менѣ ужъ и въ старости возумѣть, на волости, и въ дорожной повинности, и мостовой, и пѣ-рауль и—Боже мой чего еще! А какъ отъ земли отказался, остается мнѣ мо-душа и больше ничего! Отдалъ за дѣ-порци,—и знать ничего не знаю!..»

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что воробинный мужикъ вмѣетъ впередъ карьеру: ёдетъ въ Петербургъ въ балетъ служить—подъ холстами сидѣть надо, руками бать, толкать, чтобы волнами оказывало передъ прѣ-ликой»...

Въ послѣдующихъ главахъ авторъ про-водитъ премилую параллель между жизнью счастливой великосѣтской дѣ-мы, пользовавшейся статьюю „Романъ графи-на“ въ книжкѣ „Недѣль“ (№ 11 про-лаго года), и жизнью деревенской семьи.

Графиня, вышедши замужъ, живетъ все-таки сама по себѣ, т. е. она не уч-ствуетъ въ трудахъ мужа и мужъ не пра-ниваетъ участія въ ея трудахъ; труда обояхъ взаимно не нуженъ и идетъ жизнь каждого изъ нихъ своимъ че-домъ.

И вотъ авторъ обрисовываетъ въ па-раллель сущность жизни крестьянской семьи.

«Откинувъ нальчность нужды, нищеты и всѣхъ тѣмы, мы получимъ въ совер-шенно ясномъ видѣ слѣд.: основныя че-ты народнаго строя жизни: во-первыхъ, семья, въ которой мужчина, какъ и жен-щина, необходимъ другъ для друга по-тому, что только неразрывна во всѣхъ отношеніяхъ трудовая жизнь ихъ—и есть основаніе всего строя жизни. Ни бабъ, ни мужчины жить другъ безъ дру-га нельзя въ своего дома у нихъ не бу-детъ. Смысль существованія и вообще жизни для нихъ обоихъ получается толь-ко тогда, когда они „вмѣстѣ“ и „вмѣстѣ во всемъ“. Это первая, отли-чительная черта народнаго строя жизни, а другая заключается въ томъ, что жизнь съ семьи и дома—неразрывна ст-мирской, общественной жизни»...

Людвигъ.